

Каждый родитель желает воспитать в своем ребенке красивый и сильный характер для счастливой жизни. Дети берут пример с окружающих, и часто образами для подражания становятся книжные герои. Наиболее убедительные — реальные образы, а среди них самые прекрасные — образы святых людей, их жизненный опыт.

В этой серии собраны жития христианских подвижников, талантливо изложенные писателями для детей. Совместное чтение этих книг создает хорошую семейную традицию и дает детям прекрасные примеры любви и доброты, чтобы стать лучше и счастливее.

Два вечера чтения вслух

6+

Проект
издательства
«Никос»

ISBN 978-5-91761-303-1

9 785917 613031

Житие
блаженной
Ксении
Петербургской
в пересказе для детей

Допущено к распространению
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС 12-215-1337

Александр Ткаченко

Житие блаженной Ксении Петербургской

в пересказе для детей

Иллюстрации
Елены Кабириной

Москва · «Никея» · 2014

Странные вещи происходили по ночам на Смоленском кладбище города Петербурга. Там строили новую каменную церковь. Все выше и выше поднимался храм под умелыми руками мастеров-каменщиков. Но чем выше от земли шла работа, тем труднее было подсобным рабочим носить кирпичи. Кто такой подсобный рабочий? А это тот, кто подсобляет, или, как сейчас говорят, помогает мастеру. Целыми днями таскали они кирпичи с земли на самую верхотуру. Да не по одному камню, а сразу по десять штук, чтобы лишний раз не ходить! Не мудрено, что на такую тяжелую работу брали только самых сильных и выносливых мужчин. Но и у них к концу дня рубахи были мокрыми от пота — прямо хоть бери и выжимай!

6

И вот однажды стали рабочие замечать, что по ночам кто-то натаскивает для них целую гору кирпичей. Что за чудеса? Вроде бы вчера уходили – не было ни кирпичика, а утром пришли, глядь – вот они лежат, родимые! Ждут не дождутся – когда же уложат их в стены, чтоб стал новый храм еще ближе к небу. Удивились рабочие – что за таинственный помощник у них объявился? И решили его выследить. В конце дня спустились они со стен строящегося храма. Но не домой отправились, а притаились в кустах. Ждут, значит, – кто же появится

с наступлением темноты. И – дождались. Ближе к полуночи, когда луна уже поднялась высоко, к стенам церкви подошла... женщина! Правда, одета она была почему-то в потрепанный военный камзол, брюки и картуз, так что со стороны ее легко было принять за мужчину. Но изумленные рабочие узнали ее даже при тусклом свете луны. Неспешно сложила один на другой пять кирпичей, взяла всю стопку и понесла наверх.

– Вот дела! Так это же – Андрей Федорович! – изумился самый молодой рабочий.

– Молчи. И без тебя видим, что это Андрей Федорович, – одернули его старшие. – Пошли-ка, братцы, отсюда потихоньку. Не будем мешать человеку.

Вот такие загадочные дела творились ночами на Смоленском кладбище города Петербурга.

Кто же была эта ночная помощница? Отчего она так странно одевалась?

А самое главное – почему звали ее так странно, мужским именем – Андрей Федорович?

Вот как раз обо всем этом и поведем мы далее свой рассказ.

Давным-давно, целых двести лет назад, жила в Петербурге женщина, по имени Ксения. Не сказать, чтоб очень богатая – но и не бедная. Не сказать, чтоб очень именитая – но и не простого звания. Ведь муж ее был не какой-нибудь там извозчик или, скажем, булочник. А служил он ни много ни мало – при императорском дворе, певчим в придворном хоре. Звали его Андрей Федорович Петров. Ну и как полагается придворному, у него было воинское звание – полковник.

Очень уважаемый был человек. Соседи при встрече с ним снимали шапки и кланялись, а он важно кивал в ответ.

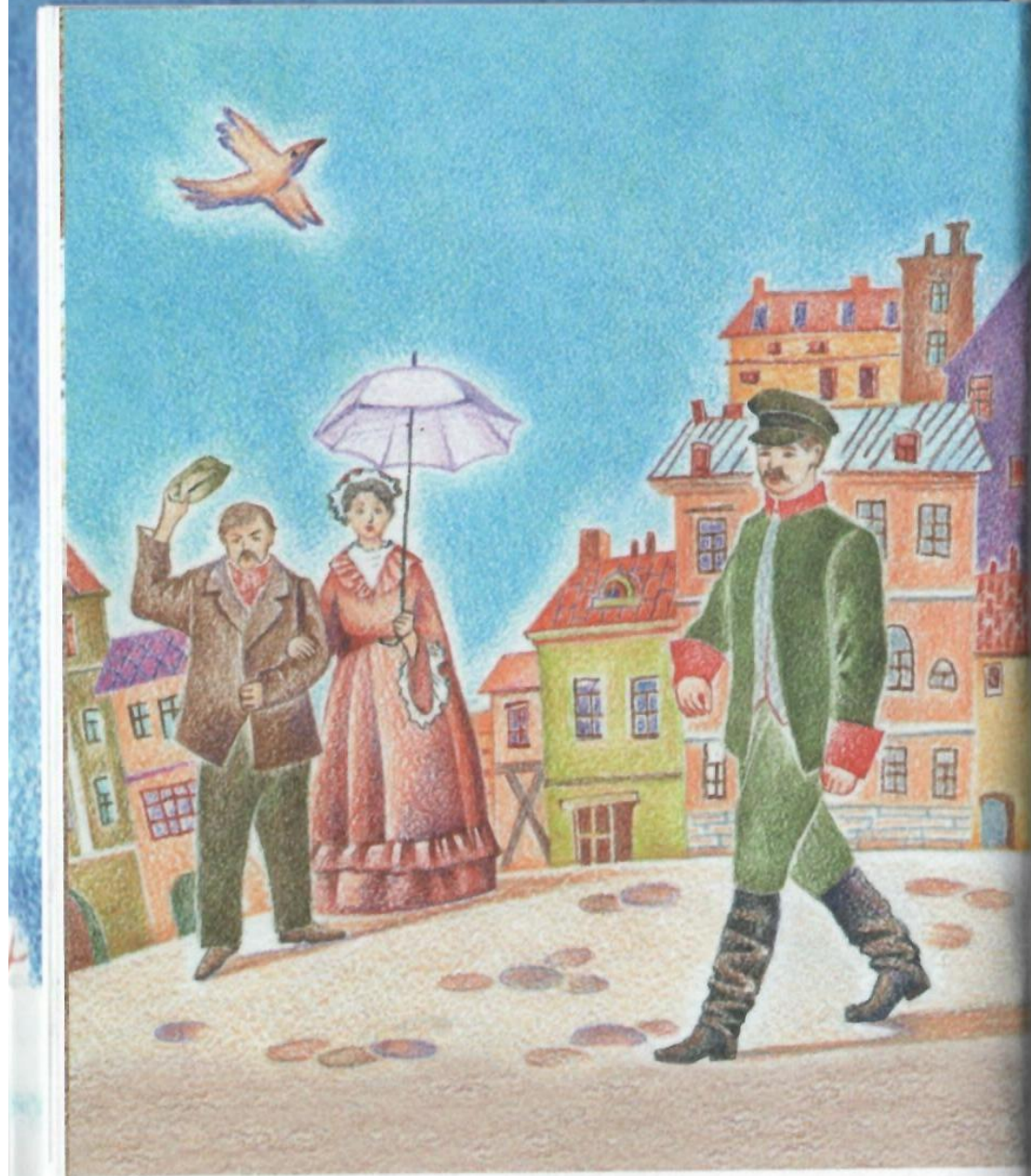
Андрей Федорович пел за торжественным богослужением, где молилась императрица и ее придворные.

А Ксения ждала его дома – готовила пироги и убиралась в горнице. К приходу мужа она всегда растапливала еловыми щепками огромный пузатый самовар, чтоб Андрей Федорович мог попить горячего душистого чая со смородиновым вареньем. Так они и жили – в любви и согласии. Правда, детей у Ксении не было. Ну да какие ее годы – молодая ведь еще! Бог даст – нарожает мужу целую гвардию, только успевай тогда пеленки сушить да кашу детям варить...

Может, так оно бы все и случилось. Да только, видать, совсем другую

судьбу готовил Бог Ксении. В один не- 15
добрый день Андрей Федорович вне-
запно скончался. Бывает, люди дол-
го хворают, лечатся, а когда уже по-
нятно, что больной – не жилец, тогда
зовут к нему священника. Тот испо-
ведует больного, причастит его свя-
тых Христовых Тайн. И тогда отойдет
успокоенный страдалец к Богу, мирно
и непостыдно. А вот Андрей Федоро-
вич такой участи не сподобился. Про-
сто упал и умер.

Ксении в ту пору было всего двад-
цать шесть лет. И осталась она на бе-
лом свете одна-одинешенька.

Тут любой впору было бы в крик голосить да слезы лить о своей несчастной доле.

Только Ксения больше горевала не за себя, а за любимого мужа, который умер без должного христианского приготовления. И подумала она так: слезами горю все равно не поможешь. А вот попробовать мужнины грехи отмолить у Бога – хорошо было бы. Но как же их отмаливать? Пойти в храм и поставить самую толстую свечу перед иконой Пресвятой Троицы? Да ведь Богу же не свечи от человека нужны – Он и так владеет всем

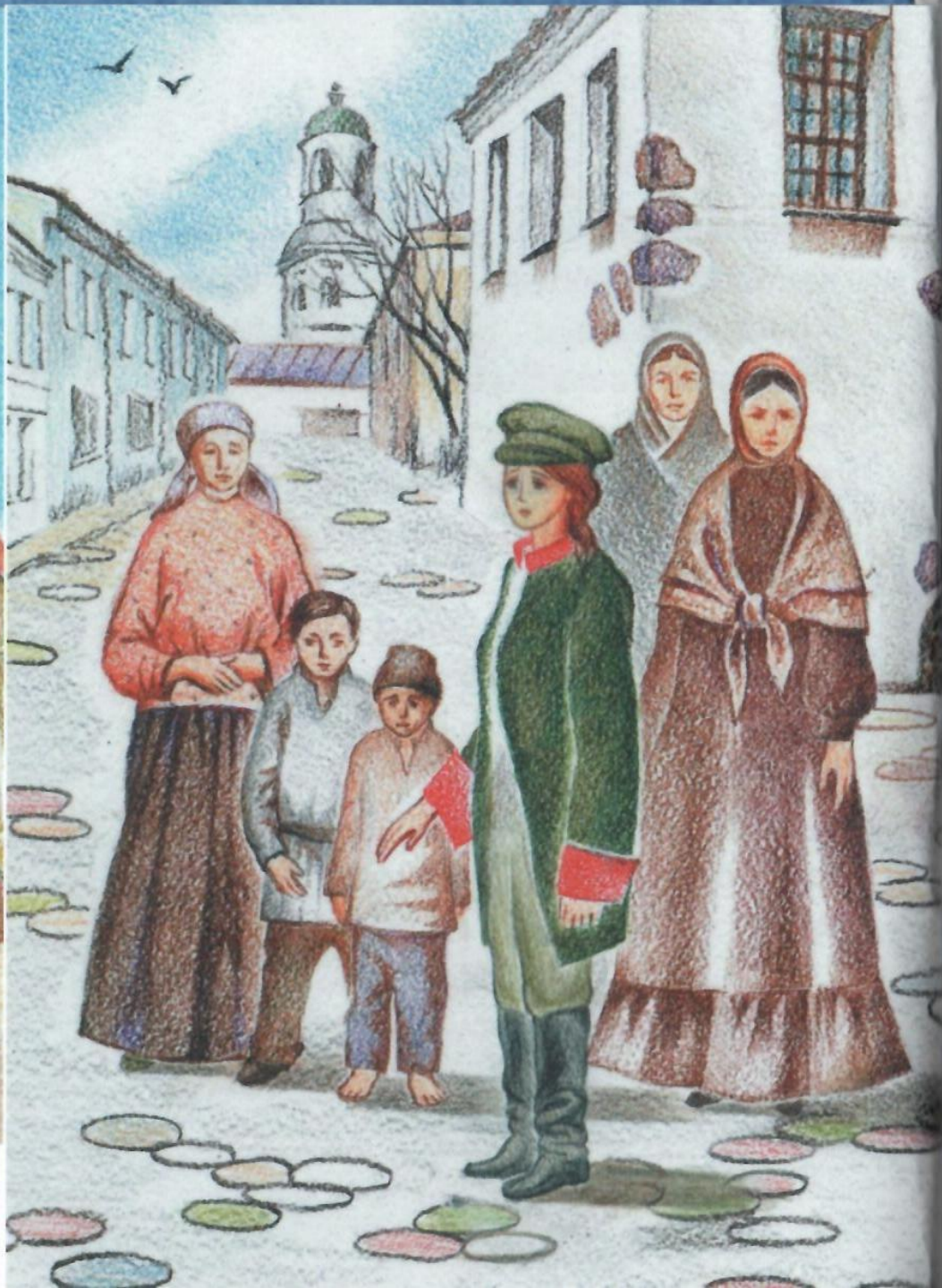
миром. А нужно Богу от человека лишь одно – праведная жизнь по заповедям Христовым.

И решила Ксения на небывалую вещь. В день похорон переоделась в костюм покойного мужа – надела его брюки, форменный камзол, фуражку.

А когда родственники и соседи стали ее утешать, посмотрела на них удивленно и говорит:

– Что вы так переживаете? Андрей-то Федорович жив – вот он я, перед вами стою. А умерла-то моя бедная жена, Ксения!

И с того самого дня уже никогда не откликалась, если кто-нибудь называл ее Ксенией. Зато на «Андрея Федоровича» – откликалась охотно. Таким вот странным способом решила она прожить остаток своей жизни ради умершего любимого супруга. И не просто прожить – а праведно. Чтобы своими добрыми делами искупить грехи, в которых Андрей Федорович не успел покаяться перед внезапной кончиной.

19

Так Ксения стала юродивой Христа ради. Это, пожалуй, самый необычный подвиг христианского благочестия – выставять себя в глазах людей дурачком, получать от них насмешки и оскорбления. А самому – тайно молиться за них Богу и вести жизнь настоящего праведника.

Поначалу Ксению люди приняли за сумасшедшую. Ну сами посудите – разве может нормальный человек раздать все свое имущество нищим? Все-все-все, вплоть до чайных ложечек из столового сервиза и последней пары башмаков!

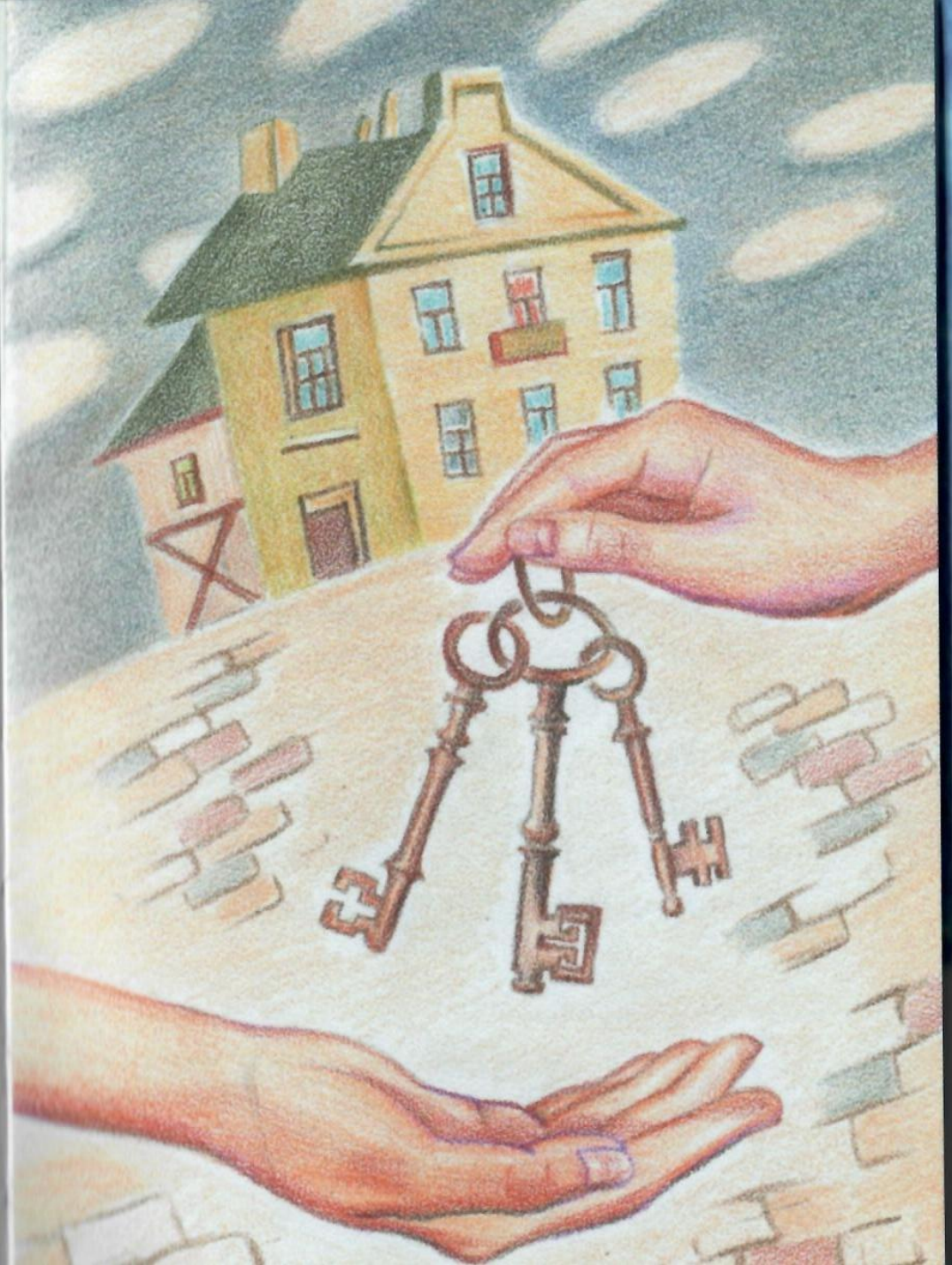
Да что там имущество – свой большой и уютный дом, оставшийся ей в наследство от мужа-полковника, Ксения подарила – кому бы вы думали?

Не родственникам и не близким друзьям, а своей квартирантке Параскеве Антоновой – женщине, снимавшей комнату в этом доме! А уж что она сделала с деньгами, которые они с покойным мужем берегли на черный день – так это вообще ни в какие ворота: взяла и отнесла их в ближайшую церковь «за упокой души усопшей рабы Божьей Ксении»... Ну что тут скажешь? Знать, действительно повредила рассудком несчастная полковничья вдова. Так подумали родственники ее мужа. Очень уж им дом жалко стало. Хороший ведь

22 дом-то. Не какой-нибудь захудалый домишко, а целый полковничий. Да и сама Параскева Антонова не хотела принимать такой щедрый дар и даже просила родственников мужа Ксении уберечь ее от безрассудного поступка.

Те, конечно, радехоньки: написали прошение начальству покойного Петрова, чтобы запретить Ксении в безумстве раздавать кому попало свое добро. Начальство вызвало Ксению к себе, в кабинет. Но из разговоров с ней убедилось, что Ксения совершенно здорова. А потому имеет

24 полное право распорядиться своим имуществом, как ей угодно.

Ну а раз так, значит, и вопросов больше нет. И распорядилась Ксения своим добром по слову Христа, сказавшего: «...если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною». Вот Ксения и решила – быть совершенной в любви к людям и Богу. Раздала все, что имела. И стала одной из городских бродяжек, не имевших в Петербурге своего угла или приюта. Но ведь Господь

не зря сказал про сокровища, которые поверивший Ему человек будет иметь на небесах. У Бога пустых слов не бывает.

25

Ксения лишилась Христа ради всего, чем обладала. Но взамен приобрела такие удивительные дары и способности, что через некоторое время о ней заговорил весь Петербург.

Одной бродяжкой в Петербурге стало больше. Но это была какая-то странная, неправильная бродяжка. Обычно нищие жалобными голосами выпрашивают у прохожих подавание. Ведь чем жалостней будет просьба, тем больше тебе дадут. Однако Ксения никогда ни у кого не просила милостыню. И отказывалась, если ей предлагали деньги. А брала у добрых людей только... «царя на коне»!

Что это еще за диво? А очень просто: «царем на коне» тогда называли копейку! Потому что с обратной стороны на ней был изображен всадник в короне и с копьем в руке. От этого-то изображения как раз и пошло на Руси такое название мелкой монеты: нарисовано на ней копье, значит, она – копейка.

Но и с поданными ей копейками Ксения обращалась по-своему. Вместо того чтобы пойти в трактир и купить себе на них миску гречневой каши с соленым огурцом да горячего чая с баранками, Ксения тут же раздавала свои копеечки другим нищим. Те лишь пожимали плечами – мол, больной человек, сам не ведает, что творит. Однако копеечки у нее брали с охотой.

И с одеждой у странной бродяжки тоже дела обстояли ничуть не лучше, чем с деньгами. Камзол и кафтан Андрея Федоровича от бродячей жизни истрепались на ней совершенно.

28 И тогда Ксения стала одеваться зимой и летом в какие-то жалкие лохмотья. А на босых ногах, распухших и красных от мороза, носила рваные башмаки. Людям было ее очень жалко. Видя едва одетую, измокшую или озябшую юродивую, многие давали ей зимние вещи, обувь. Однако Ксения ни за что не соглашалась надеть на себя теплую одежду. И всю жизнь так и ходила круглый год в истрепанных красной кофточке и зеленой юбке.

Целыми днями бродила Ксения по Петербургской стороне, в районе прихода церкви Святого апостола

Матфея, где в то время жили в маленьких деревянных домиках небогатые люди. Изредка заходила к своим знакомым, обедала у них, беседовала, а затем снова отправлялась странствовать. А вот где она ночевала – долгое время оставалось загадкой. Этим заинтересовались не только жители Петербургской стороны, но и местная полиция.

«Что еще за странности – человек по городу бродит, а где ночует – неизвестно? Непорядок!» – решило полицейское начальство. И отправило сыщиков, чтобы они тайком проследили, где проводит ночи «Андрей Федорович».

Сыщики свое дело знали хорошо. Весь день они незаметно ходили за Ксенией. Когда стемнело, она направилась к самой окраине города. «Ну вот, – решили сыщики, – все ясно! Наверное, снимает здесь наша нищая угол в какой-нибудь развалюхе».

Однако Ксения миновала самые крайние домики и вышла в поле. Куда же она идет? Ведь там, в поле, нет никакого жилья на много-много верст вокруг! Удивленные сыщики почти ползком крались за ней, прячась за редкими кустами. Но вот наконец Ксения остановилась, встала на колени

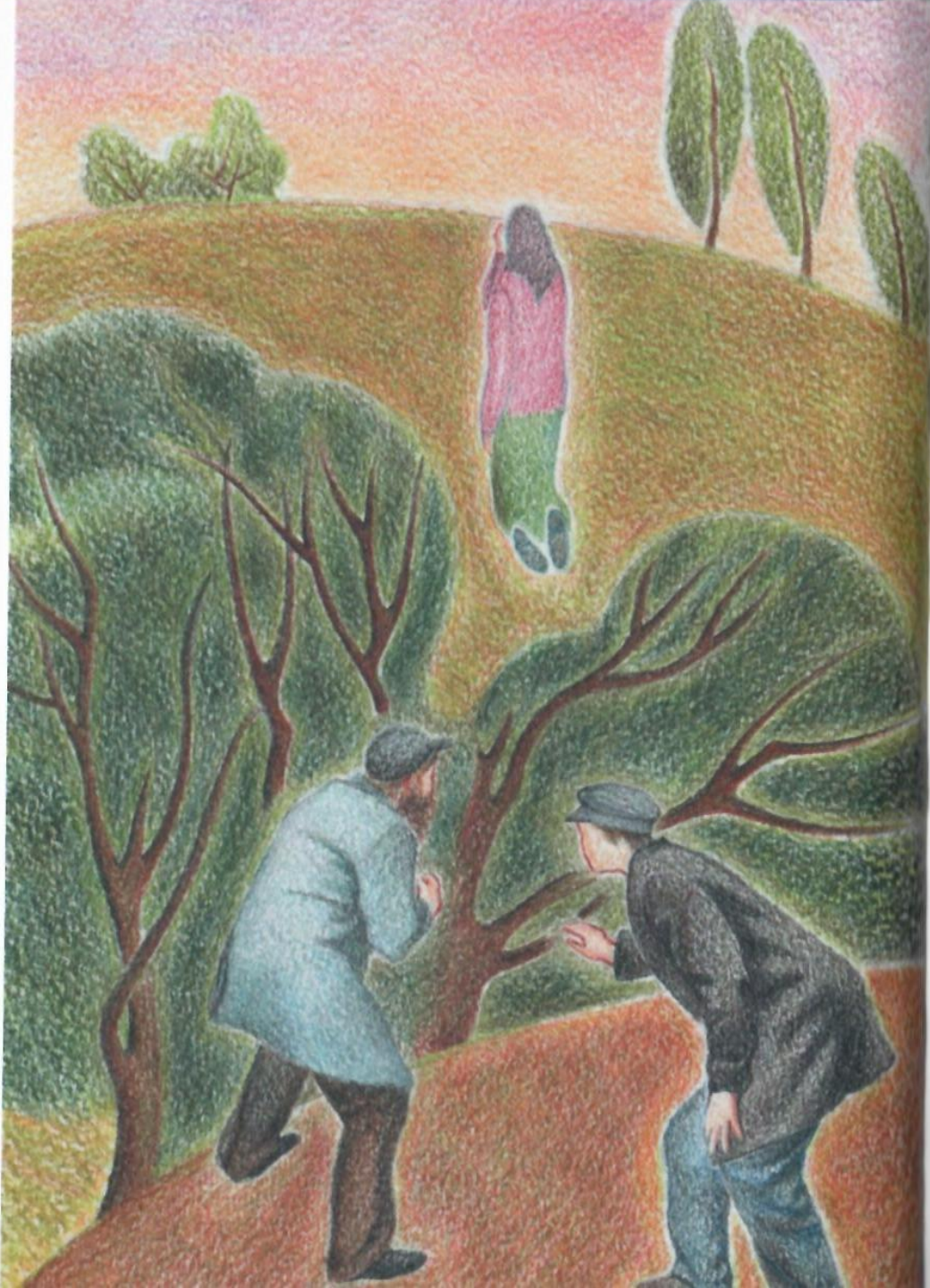

и начала... молиться! До самого рассвета клала она в поле поклоны на все четыре стороны света. А утром отправилась назад, в город.

Пораженные сыщики побежали докладывать начальству об этом удивительном ночлеге нищенки. Так всем горожанам стало известно, что Ксения в любое время года уходит на ночь в поле и становится там на молитву до утра. Хоть в дождь, хоть в метель, хоть в лютый мороз. Такое у нее было правило.

Наверняка и другие дела благочестия совершала Ксения за время своего земного странствия. Жаль

только, что мы о них ничего не знаем. Ведь добро она творила тайком от людей. Узнать о ее христианском подвиге можно было, лишь незаметно проследив за ней. Как это сделали полицейские сыщики, например, или строители на Смоленском кладбище, которым Ксения ночами помогала строить храм Божий.

Но так или иначе, раньше или позже – а все ж поняли люди, что не простая это бродяжка ходит по Петербургской стороне и бормочет чего-то себе под нос. И стали ее в народе почитать как угодницу Божью.

И купцы, и мещане, и чиновники, и другие обыватели Петербургской стороны теперь рады были принять у себя Ксению.

Все вдруг увидали, что в какой бы семье ни побывал «Андрей Федорович», там всегда водворялся благодатный мир, особенное счастье. Иногда она заходила в лавку и брала себе какую-либо ничтожную из продающихся вещей — орешек, пряничек. И сразу же та лавка начинала отлично торговать, потому что народ спешил купить что-нибудь именно там, куда заглянула Божья угодница.

Извозчики смекнули, что если кому-либо из них удавалось хоть несколько шагов провезти блаженную, у того после целый день не было отбою от пассажиров. Вот почему извозчики

еще издали наперегонки мчались к ней на своих пролетках.

Матери замечали, что если блаженная покачает в люльке больного ребенка, тот непременно выздоровеет. Вот почему они, увидев Ксению, спешили к ней со своими детьми и просили ее благословить или приласкать их.

Но такое народное почитание не изменило привычек Божьей угодницы. По-прежнему она зимой и летом ходила в лохмотьях и проводила ночи на молитве в поле. А вот людям помогать стала еще больше. Видимо, потому, что теперь ее словам все верили безоговорочно.

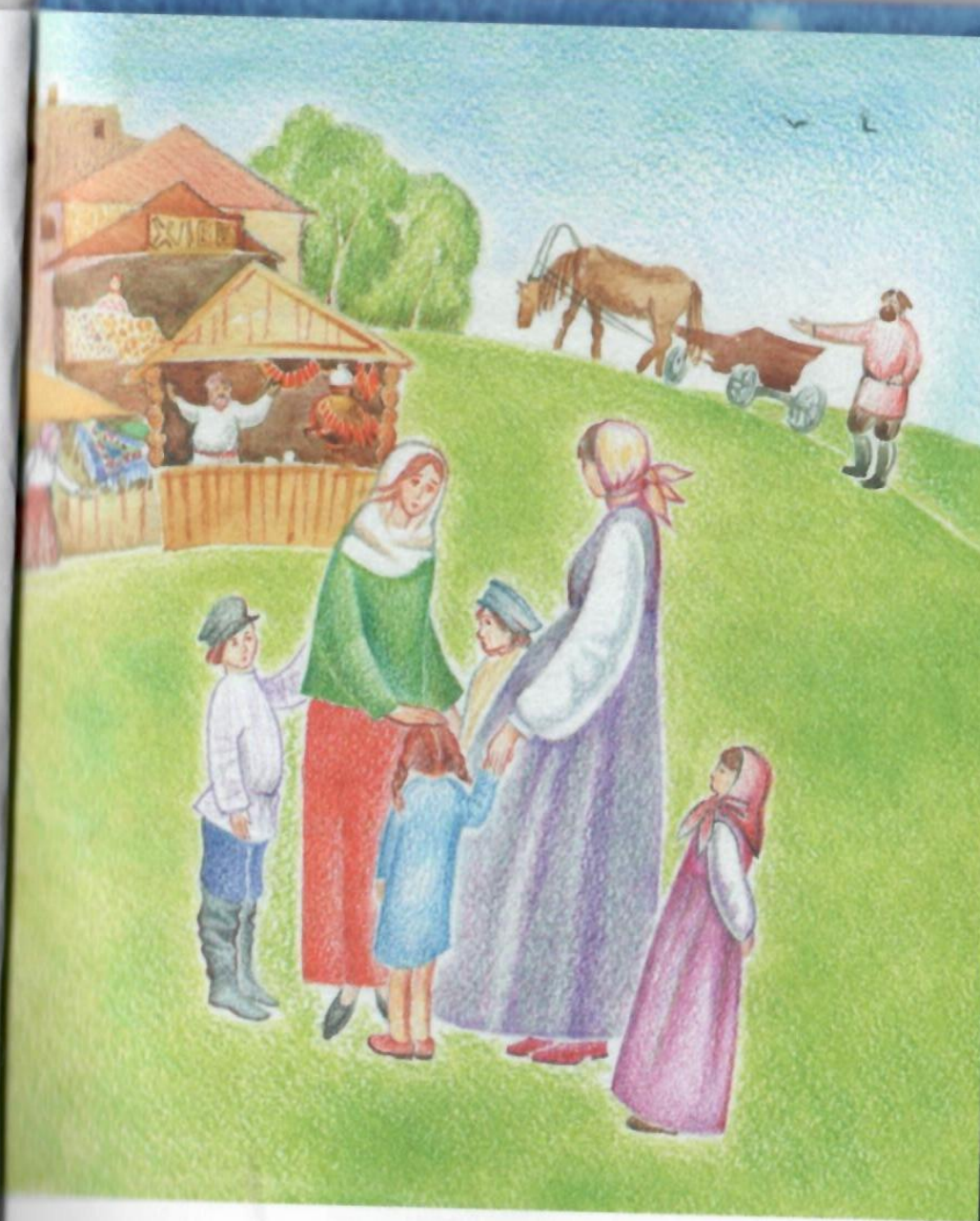

Так, однажды она сказала Параскеве Антоновой – той самой, которой раньше подарила свой дом:

– Вот ты тут сидишь да чулки штопаешь. И не знаешь, что тебе Бог сына послал! Иди скорее на Смоленское кладбище!

Антонова, с молодых лет знавшая Ксению, тотчас же поверила, что действительно случилось нечто особенное. И со всех ног побежала на Смоленское кладбище, возле которого увидела большую толпу народа. Антонова подошла, чтобы разузнать, что тут случилось.

Оказалось, какой-то извозчик сбил с ног беременную женщину. Несчастная тут же на улице родила мальчика и скончалась. Параскева Антонова тотчас же взяла ребенка к себе.

Узнать, кто была его умершая мать, кто был его отец, несмотря на все старания, не удалось. Ребенок остался жить у Антоновой. Впоследствии он сделался видным чиновником и до самой смерти берег и покоил свою приемную мать.

Иногда навещала Божья угодница в семейство Голубевых. Впрочем, какое там семейство — одно лишь название: мать-вдова да семнадцатилетняя дочь. Ксения очень любила эту девушку за ее кроткий, тихий нрав и доброе сердце. И вот однажды заходит она к ним в дом. А дочь как раз в это время готовила кофе на плите.

— Эх, красавица, — сказала Ксения, — ты тут кофе варишь, а муж твой жену хоронит на Охте. Беги скорее туда.

— Как это?! — удивилась девушка. — У меня ведь не то что мужа, но и жениха-то нет.

— Иди, — сердито повторила Ксения, не любившая каких-либо возражений.

Голубевы хорошо знали, что Ксения никогда не говорит чего-либо напрасно. Послушались они и тут же отправились на Охту. Там шла похоронная процессия. Хоронили молодую жену доктора, скончавшуюся от неблагополучных родов. Вслед за гробом

40 пошли и Голубевы. После погребения народ стал расходиться по домам. И тут мать с дочкой неожиданно столкнулись с молодым вдовцом. Несчастный врач при виде могильного холма над телом любимой супруги потерял сознание и без чувств упал на руки Голубевых. Они привели его в сознание, познакомились с ним. И уже через год юная Голубева стала женой доктора.

41 **В**прочем, бывало, что дар прозорливости Ксении открывался людям и по-другому. Да так чудно, что не знаешь – смеяться или плакать над такой историей. Однажды зашла блаженная Ксения в предобеденное время к своей знакомой, Евдокии Денисовне Гайдуковой. Обрадованная хозяйка тотчас же поспешила накрыть на стол. Вот только угощенье в тот день выдалось неважное: миска пустых щей без мяса да чай без пирогов.

– Не взыщи, голубчик Андрей Федорович, больше мне угостить тебя нечем. Ничего сегодня не готовила, – говорит хозяйка.

– Спасибо, матушка, спасибо за твое угощение, – отвечает Ксения. – А ведь побоялась же ты дать мне уточки!

Евдокия Денисовна от стыда не знала куда глаза прятать: ведь в печи-то у нее и впрямь была жареная утка, которую она приберегла для мужа. Бросилась она к печке и стала вынимать оттуда утку.

Но Ксения тут же ласково остановила ее:

– Нет, нет, что ты? Не надо, не хочу я утки. Я ведь знаю, что ты радехонька меня всем угостить, да боишься своей кобыльей головы.

Вот еще новость – что еще за «кобылья голова» такая страшная?

А дело-то простое: оказывается, Ксения так называла мужа Евдокии

Денисовны – грубияна, пьяницу и матерщинника. Ну а что еще скажешь про такого «красавца»? И впрямь – кобылья голова.

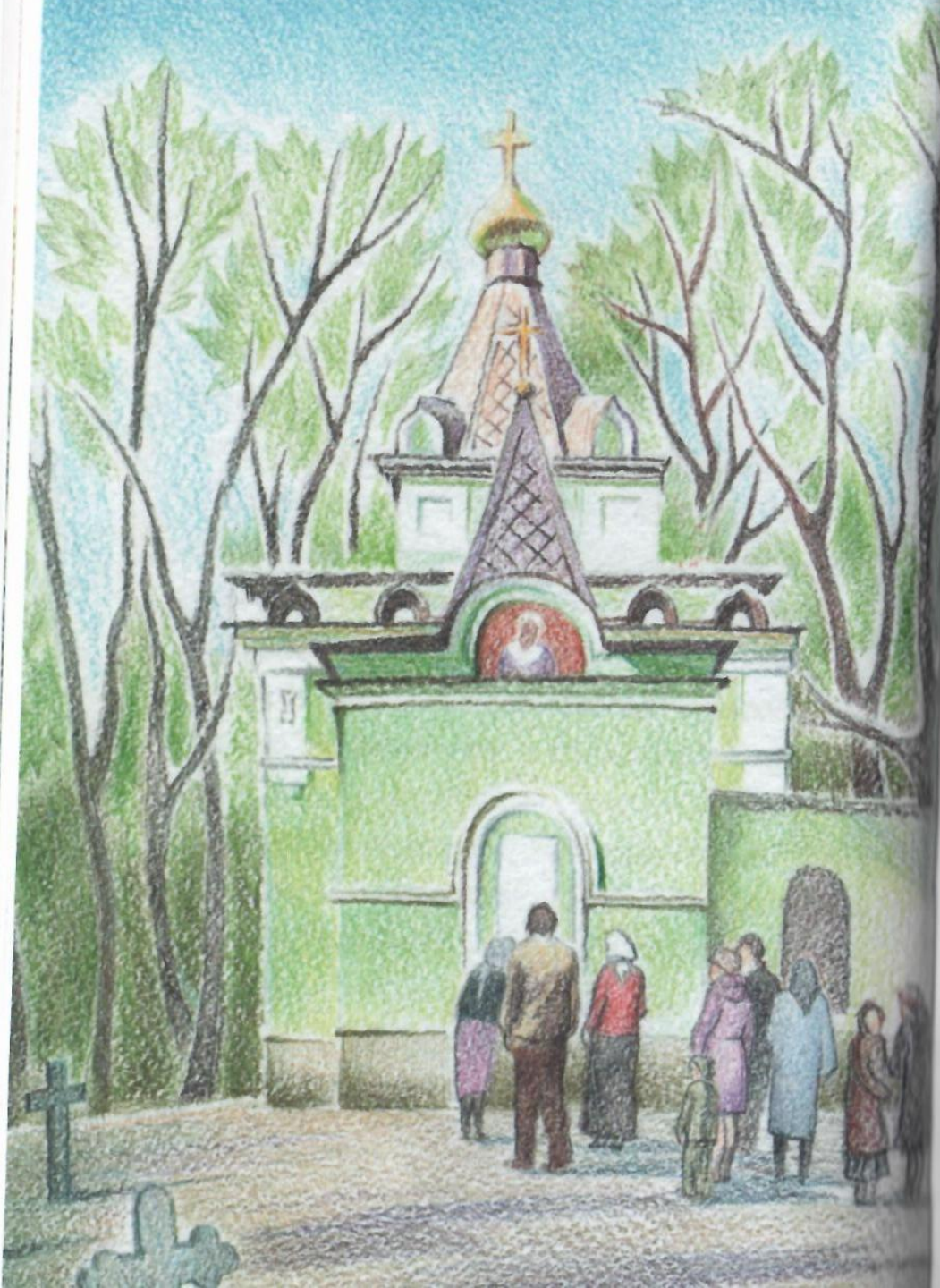

Вот так, в ночных молитвах и помощи нуждающимся, Ксения прожила целых сорок пять лет после смерти мужа. Как же могла она, старенькая и слабая, выдерживать холодные дожди осенью и страшные трескучие морозы зимой, когда даже птицы стынут на лету! Но ведь были и до нее великие святые, которые силою своей веры творили удивительные чудеса. Вот так же и Ксения показала – на что способно любящее сердце, обращенное к Богу.

Еще при жизни петербуржцы почитали ее как святую. А когда она скончалась, на кладбище потянулись нескончаемые вереницы людей, желавших проститься с «Андреем Федоровичем». И каждый, помолившись

о ее упокоении, норовил унести с собой горсть земли с могилы Божьей угодницы. Пришлось положить на могилу каменную плиту. А посетители наладились отламывать от нее по кусочку на память, да всю ее и разобрали. Положили еще одну плиту. И ее постигла та же участь. Но при этом посетители клали на могилку свои посильные денежные пожертвования. Вначале этими деньгами пользовались нищие. Затем могилку Ксении обнесли оградой, к которой прикрепили кружку для сбора пожертвований. А когда денег набралось достаточно, над ее

могилой построили небольшую часовню. 47

Над дверью сделали надпись: «Раба Божия Ксения». А внутри, над могилой, положили еще одну плиту с надписью: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа. На сем месте положено тело рабы Божией Ксении Григорьевны, жены придворного певчего, в ранге полковника, Андрея Федоровича. Осталась после мужа 26 лет, странствовала 45 лет, а всего жития 71 год; звалась именем Андрей Федорович. Кто меня знал, да помянет мою душу для спасения души своей. Аминь».

